

Отброшен тетивой тугой,
от Игоря
полка ночного,
двенадцатый – стрелой слепой
до нас достал –
письмом бывшего...

Нам в грудь вонзился остриём,
самих себя – в былом,
на ощупь,
от боли – вдруг не узнаём,
как будто мы там жили ночью...

А из Полка глядят в упор –
и
страшный,
скрюченный,
горбатый,
тупой,
холодный,
как топор,
глядит в ответ им век Двадцатый!

ПОЛЯ

1

Хлеб сжат.
На чистые поля
свои мазки наносит осень
иконописью бытия,
где каждый штрих прозрачно-точен.
Кто он,
неведомый Рублёв,
лазурью,
охрою покрывший
поля, и возвестивший вновь
печали праздник наивысший –
не спрашивай!
Не знаю я.
Наверно, он –
кто нас веками
так мучает,
любовь храня,
и умирает вместе с нами.

2

Поля не спят.
И что такое
опять волнует их?
...вокруг
в природе – нет и нет покоя...
Деревья, в золоте кольчуг,
вновь жаждут боя...
Сучья страшны...
И дождь, как стрелы, моросит...
Какой артелью
на Руси
расписаны поля и пашни?
Кто выдумал,

что дерева
должны стоять всю жизнь на месте...
...они оврагом шли сперва,
сбираясь ратью.
К ночи вести
дошли – пора!
...и закипел
не бой – побоище...
Ломались...
...и кровь лилась под градом стрел
водою дождевой.
Сдавались
к утру последние полки...
И клочья золотой кольчуги
покрыли раны и куски,
шепча,
как шепчутся в испуге...
И стали стоны деревень
слышны.
И вороньё кружится.
В морщинах неба третий день
холодный пот,
как соль, искрится.
Но вот, как радость,
как Покров,
когда земле нет горше часа,
вдруг с белой гвардией снегов
войдет Ноябрь
под ликом Спаса!

* * *

Эх, тулуп ты мой пригожий,
с дедова плеча, –
тёртобокий,
дырокожий,
жёлтый, как свеча!
Эх, тулуп ты мой расшитый
нитью золотой...

Недотрога,
не маши ты
белою фатой!
Не проси меня жениться –
мол, всё холостой...
Лучше да ещё влюбиться,
загулять с тобой!
Не проси, моя зазноба –
брось тулуп в сарай...
На печи мы нынче оба –
под него, как в рай...
Он нашепчет,
он согреет
зябкую тебя!
Обними меня скорее,
поцелуй, любя!
Он такого напророчит
на сто зим вперед...
Он любую заморочит
и растопит лёд!
Не проси, моя касатка –
мол, снеси в чулан...
Как с тобой нам будет сладко,
Скинь-ка сарафан!
Эх, тулуп ты мой пригожий,
с дедова плеча –
тёртобокий,
дырокожий,
жёлтый, как свеча!
Эх, тулуп ты мой расшитый
нитью золотой...
Разгулёна,
не маши ты
белою фатой!
Не проси, моя веснуля, –
мол, снеси в амбар...
До утра уж не засну я,
Ставь-ка самовар!

САМОВАР

На лапах
выгнутых и медных,
бока тяжёлые раздув,
дышащий жаром сил
несметных,
стоит он,
запрокинув клюв!

И ярко блещет медалями,
украшившими оспой лоб,
и дышит
конскими ноздрями,
и красным углем полон зоб...

Индюк индийский!
...тульской медью
обмытый –
с головы до пят!
И гребень,
пряником и снедью,
завёрнутый
в цветной халат!

* * *

С прошлым – лишь до завтра мы расстались!
Голяди¹...
...и голядью остались!
С нищего,
нетверёзого –
что возьмёшь?
Всех ушкуйников и пичужников
в Чухлому не сошлешь!

¹ 1 Голядь – балтоязычное племя, обитавшее, согласно древнерусским письменным источникам XI-XII веков, в верховьях реки Протвы (на территории современных Московской, Смоленской и Калужской областей), между землями вятичей и кривичей.

Вон – погудочка,
в перстах ломашных,
да и та пищит!
Отрок,
ангелец,
Варфоломушка –
на всю Русь кричит!
Только слышим ли,
только видим ли –
вот печаль...
Варфоломушка,
свет невидимый,
коль не жаль –
дуй в погудочку!
Голядь – голядью удиви...
Нас – заблудшими,
нетверёзыми –
нам яви...

* * *

А в саду,
как змеиная кожа,
с деревьев спадает кора,
и они, извиваясь,
узлами на решётку чугунную,
в кольца сплетая тела,
опускают стволы
и шуршат,
и шипят до утра...
Я не знаю, что это такое
и как объяснить
их шипенье,
и шелест,
и шорох,
и шёпот за дверью...
Может, это от шума в крови
и восходит к поверью?

Может, ночью
нам вовсе не так полагается жить?
Если можешь – сильнее прижмись!
В суете этой жизни
хоть ночью не стать круговертью!
Чтоб не видеть,
как наши змеятся тела в темноте, –
если даже любовь
ночью дышит
страданием и смертью...

* * *

Январь –
как лёд на проводах –
прозрачен и высок.
Иссиня выбрит впопыхах
под окнами каток
в порезах тонких.
Третий день,
как я люблю...
Я рад.
Деревьев призрачная тень
летит
сквозь снегопад.
Машины траурная гарь
легла на снег крыльца...
И кажется –
весь век – январь,
и нет ему конца.

* * *

Дед мой, Пётр, умер на Крещение.
Целый день мы жгли костёр,
рубили
ледяную землю.
Грелись водкой...

И ведром помятым выгребали
плоть могилы...
Я пришёл в избу,
и моё тело
было леденее тела деда...
Долго руки мыл водой в жестянке,
но остались на ладонях знаки –
вспухшей крови
и земли набухшей...
Почему я не могу уехать,
жить у моря,
сеть тянуть
и обжигать ладони
об весло,
горячее как солнце?..
Может потому,
что стылым летом
дедова могила мне напомнит
грядку в огороде,
на которой – тело репы
в запахе медовом.